

тесной сплоченности интересов всех членов общины, собственников мелких участков земли. Именно это делало византийскую общину более сильной в процессе сопротивления попыткам закабаления, чем если бы община была основана на периодических переделах и прочих формах проявления общинной собственности²¹.

Генезис феодализма в Византии проходил в условиях, когда византийское государство не было сокрушено; это означало, что византийская община все время находилась на положении эксплуатируемой господствующим классом в целом, но не отдельным господином-землеладельцем. Община, несмотря на то, что она состояла из свободных крестьян, вынуждена была отдавать государству прибавочный продукт (но главным образом в форме налога). Каждый историк, исследующий генезис византийского феодализма, должен, конечно, учитывать и эту особенность. Но некоторые ученые приходят при этом к совершенно неправомерным утверждениям. Так, Г. Острогорский и А. П. Каждан²² настаивают, что в Византии процесс генезиса феодализма определялся так называемой „централизованной рентой“, которая предшествовала вотчинной ренте. Согласно взглядам этих историков, крестьянство, выплачивая „централизованную ренту“, фактически превращалось в крепостное и ничем не отличалось от обыкновенных частновладельческих париков. Острогорский, правда, говорит об этом применительно к X в. Но поскольку „централизованная рента“ — это не что иное, как налоги, следует признать, что такой гнет испытывали на себе и свободные крестьяне митрокопии IV—VI вв., и общины „Земледельческого Закона“, и нет никаких оснований видеть в этом феодальную ренту и крепостное право. Согласно этой теории, полностью стирается всякая разница между свободным и закабаленным общинником.

Мы не можем присоединиться к такой точке зрения. Нельзя смешивать ренту с налогом: рента получает собственник земли, притом для своего собственного потребления, а налоги идут государству, которое выполняет иные функции, чем отдельный собственник, укрепляя классовое господство в целом. Плательщик налогов — даже самых тяжелых — тем не менее считается свободным, поскольку не зависит от отдельного собственника. В классовом обществе юридическое понятие свободы (которое ложится в основу сословного деления), вовсе не предполагает материального благосостояния и экономической независимости, тем более в отношениях к государству.

Сокрушение мощи рабовладельческого землевладения, безусловно, отразилось на положении города. Ряд городов буквально был стерт с лица земли (например Амфиполь, который восстанавливается только в X в., но уже как совершенно новый город)²³. Революционный крах

²¹ Характерно, что в византийском законодательстве укрепление общины после славянского вторжения прослеживается не в каких-либо новых предписаниях о правах общины как собственника земли, а в укреплении прав частной собственности отдельного (даже бежавшего из общины) члена. Так, в IV—VI вв. за бежавшим членом общины его земельный участок закреплялся на пять, а потом только на два года. А после VII в. устанавливается 30-летний срок, в продолжение которого ни община, ни фиск не могли окончательно распорядиться землей бежавшего (J. Malafosse. Le droit agraire au Bas Empire et dans l'Empire d'Orient. „Rivista di Diritto Agrario“. № 1, 1955, p. 55).

²² G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956; рец. А. П. Каждана. ВВ, XII, 1957.

²³ Наличие упадка городского строя в VII—IX в. (за исключением отдельных военно-политических и торговых центров) признает в основном вся историография (см. А. П. Каждан. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. ВВ, IX, 1956; его же: Византийские города в VII—XI вв. СА, 1954, № 21; его же. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; Э. В. Удальцова и А. П. Каждан. Ук. соч., ВИ, 1958, № 10; G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the early middle Ages. DOP, 13, 1959). Спасаясь от варварских нашествий,